

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Как трахаются простые люди

Она была завучем, причём классическим завучем. Только в выдуманных историях завучами являются пышногрудые молодые красавицы, соблазняющие одиннадцатиклассников, сексапильных учителей физкультуры, и тайком мастурбирующие прямо на уроках. Она была среднего возраста (лет 50), маленького роста, с уродливыми громадными очками, она постоянно одевалась в один и тот же серый костюм — плотный пиджак без намёка на декольте, юбка до колен, из-под которой виднелись кривенькие тощие ноги. Но не только это отталкивало от неё — известны случаи, когда некрасивый человек был жутко сексуален. Она была тупой и закомплексованной учительницей, и к тому же — вредной. Я работал в той школе один учебный год, и ни одного раза я даже не помыслил о ней как о женщине. Неоднократно она меня доставала всякими проверками, журналами и проч. Я представить себе не мог, что она может заниматься сексом (хотя как минимум один раз она это делала — её сынок учился в нашей же школе). Но однажды я был вынужден изменить своё мнение о ней. Это было ранним утром, когда я почему-то припёрся в школу где-то минут за 40 до начала первого урока. Учительская была закрыта (как раз она, наша неподражаемая Наталья Анатольевна, её открывала), и я, матюгнувшись, пошёл в кабинет трудовика — его окна уже были освещены. Хоть мы с ним только здоровались (не уверен, что он помнил моё имя), но у него можно было оставить пальто, и посидеть, читая газетку. Я вошёл в класс, и обнаружил, что никого нет, в том числе и в подсобке. Ну, не моё дело. Я прошёл в подсобку, разделся, и присел. И тут же услышал голоса в самом классе-мастерской. Это был как раз трудовик и Наталья Анатольевна. Они переговаривались:

— Борис Иванович, вы мне принесли план работы?

— А как же! Вот, тетрадка.

— Отлично!

Я взвёл глаза к потолку. У меня этот план не был готов, и я не особо стремился его сотворить. Я встал, чтобы выйти и поздороваться, но вдруг услышал, что Борис закрыл дверь класса изнутри. Я насторожился, и подошёл к двери, соединяющей подсобку и класс. Она была прикрыта, но замочная скважина была достаточно широкой. Я наклонился. Вот так номер! Борька, тупо улыбаясь, копался в лифчике Анатольевны, расстегнув её вечный пиджачок. Она сказала:

— Борис Иванович, что вы делаете?

Но Борька только ухмылялся и продолжал её тискать. Наконец он сказал:

— А что.

И тут же, резким, мужланским жестом снял с неё пиджак, и сорвал лифчик. Обнажилась вялая, маленькая, безнадёжно висящая грудь, с волосками вокруг огромных тёмных сосков. Меня даже слегка передёрнуло — уж больно неаппетитно всё это выглядело. А Борька продолжал — расстегнул и спустил юбку, и стал заметен её не менее висящий дряблый живот, со следами аппендицитного шрама. И, наконец, он снял с неё чулки, и я почти поперхнулся (но, что характерно, от скважины не отделился) — жалкие тощие ножки, с растительностью везде, где только можно, предстали Борькиному и моему виду. Он положил её на парту, резко раздвинул ноги и я увидел её влагалище, заросшее какими-то бурными волосками. Борька расстегнул zipper, вытащил свой сильно потрёпанный член, и стал её трахать — грубо,

монотонно, и не очень активно. Оба не произносили ни одного звука. Продолжалось это минуты две-три, потом он (очевидно) кончил, и вылез из неё.

— Одевайся, — бросил он.

— Спасибо, Боря, — сказала Анатольевна. Я опять чуть не поперхнулся — за что она его благодарила?!

Она оделась, и они оба вышли. Я, немного охреневший, последовал за ними, чуть погодя. Потом мне стало интересно — это был единичный случай, или Борька постоянно кого-то имел в своём кабинетике? И я повторил свой трюк, только на сей раз я просчитал, чтобы Борька вышел из кабинета. И я спрятался там же. Расчёт был верен — вскоре он появился с библиотекаршей Ниной Ивановной. Она была второй «королевой красоты» нашей школы после Анатольевны. Всё было точно так же, как и раньше — только на сей раз он выбрал себе тётку иного формата — она была полной, с огромной грудью, которая смешно колыхалась, пока Борька «работал» в ней. Её ноги были тоже толстыми и она ими слегка дрыгала — неужели она смогла кончить?

Потом мои засады не приносили успеха, очевидно, Борька больше никого не смог уговорить. Я решил прекратить своё шпионство. В последнее моё «дежурство» Борька опять трахал завуча — и она даже немного постанывала и пальцами теребила свои сморщенные груди. А потом я уволился.